

На правах рукописи

Киндеркнехт Анна Сергеевна

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МЕДИАТОРА:
ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ,
РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2025

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена изучению языковой личности медиатора – специального независимого посредника, привлекаемого конфликтующими или спорящими сторонами для помощи в урегулировании конфликта или спора.

Объект исследования – дискурс медиации как актуальный профессиональный дискурс, связанный с практикой урегулирования конфликтов и оптимизацией социальных взаимосвязей.

Предмет исследования – языковая личность медиатора как ключевого участника дискурса медиации.

Тема исследования продиктована обнаруженным **противоречием** между неугасающим интересом к теории языковой личности в современном языкознании и лакунарностью в собственно лингвистическом освещении деятельности медиатора как представителя относительно недавно появившейся и активно развивающейся помогающей профессии.

Медиация – это особым образом организованные переговоры с участием специального посредника – медиатора. В нашей стране медиация начала системно развиваться на рубеже XX–XXI веков. Для России это относительно новая институциональная сфера, толчком к всестороннему развитию которой в 2010 году стало принятие Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации).

Актуальность исследования связана с объективной потребностью в адекватном лингвистическом освещении новой коммуникативной деятельности. Накопление опыта коммуникативных практик медиации, стратегий поведения медиатора и способов эффективного ведения медиативных переговоров требует осмысления не только в рамках философии, социологии, юриспруденции и психологии, но и в рамках лингвистики.

Главная особенность развития медиации в России заключается в том, что она прежде всего сформировалась не как социальный, а как правовой институт. Эта особенность отвечает актуальной «необходимости приспособления национального языка к обслуживанию всех множущихся потребностей государства» (В.Г. Костомаров). В настоящее время российские медиаторы активно отбирают адекватные языковые и речевые средства для осуществления своей профессиональной деятельности.

Актуальность диссертационной работы определяется соотносительностью рассматриваемой темы с приоритетными направлениями исследований в современной лингвистике: *теория профессионального дискурса* и *дискурсивная персонология*. Языковая личность медиатора еще не была объектом всестороннего лингвистического анализа. Актуальным представляется также анализ коммуникативных практик медиатора для осуществления эффективного институционального взаимодействия людей в ситуации конфликта.

Степень разработанности темы. Лингвистические исследования, посвященные профессиональному дискурсу медиации, немногочисленны (Н.С. Барбина, Л.В. Куликова, А.Г. Моногарова, О.А. Прохорова и др.). Интерес лингвистов наблюдается в следующих тематических аспектах проблемы: терминология профессиональной сферы, выделение и определение дискурса медиации, дискурсивные практики реализации медиации, медиация как языковое/культурное посредничество. Однако дискурс медиации рассматривается в целом как самоорганизующаяся система и общий процесс взаимодействия медиатора и медиантов, при этом роль и статус медиатора в медиации четко не выделяются и не интерпретируются. В ряде лингвистических работ наблюдается смешение понятий медиации и модерации, медиации и переводческого посредничества. Основные приемы организации речи медиатора изучаются с исследовательской позиции, которая охватывает внешний модус общения институционального дискурса, в связи с чем остаются нерассмотренными основные акценты в дискурсивном проявлении медиатора, наблюдаемые с позиции внутреннего модуса общения. Кроме того, языковая личность медиатора еще не была предметом отдельного рассмотрения, особенно в русскоязычном сегменте дискурса медиации.

Теоретической основой исследования стали научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: социолингвистика (В.М. Алпатов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, О.Б. Сиротина, А.Д. Швейцер и др.), когнитивная лингвистика и лингвокультурология (Н.Д. Арутюнова, О.Г. Бараева, Е.Ю. Ильинова, О.И. Калинин, Е.С. Кубрякова, О.А. Леонтович, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, В.И. Шаховский и др.), прагмалингвистика (М.А. Бабушкина, И.Н. Борисова, О.Я. Гойхман, А.В. Голоднов, Г.П. Грайс, В.А. Данилов, О.С. Иссерс, В.Б. Кашкин, Е.В. Клюев, И.Э. Клюканов, Л.Р. Комалова, Н.Н. Кошкарова, Е.В. Малышева, Т.М. Надеина, Н.Н. Николаева, Т.В. Шмелева и др.), теория дискурса и коммуникативная аксиология (Н.Д. Арутюнова, Н.А. Ахренова, Л.С. Бейлинсон, М.В. Беляков, В.В. Дементьев, Т.В. Дубровская, В.И. Карасик, Е.А. Кожемякин, М.Л. Макаров, Л.Н. Синельникова, Т.А. Ширяева и др.), лингвоперсонология (Г.И. Богин, Й.Л. Вайсгербер, В.В. Виноградов, Н.Д. Голев, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Т.В. Кочеткова, В.П. Нерознак, К.Ф. Седов, А.П. Седых, И.В. Сентенберг, О.Б. Сиротина и др.), теория профессиональной языковой личности (Л.С. Бейлинсон, Л.М. Бузинова, Е.В. Волкова, Е.И. Голованова, Н.А. Лемякина, С.В. Мыскин, М.Н. Панова, М.И. Солнышкина, М.А. Черкасова и др.), исследования языковой личности медиатора и дискурса медиации (О.А. Алимуратов, Н.С. Барбина, И.Ф. Головченко, Е.И. Кобышева, Л.В. Куликова, М.Н. Лату, А.Г. Моногарова (Чернышенко), Е.С. Петрова, О.А. Прохорова, Е.В. Статеева).

Социолингвистическое описание условий и особенностей реализации языковой личности медиатора в актуальном дискурсе медиации базируется на научных исследованиях практикующих в России медиаторов: А.Н. Азарновой, О.В. Аллахвердовой, Ю.А. Дубининой, Е.Н. Ивановой,

Л.М. Карнозовой, А.Д. Карпенко, А.Ю. Коновалова, Р.Р. Максудова, И.И. Маниной, Е.В. Морозовой, Е.И. Носыревой, Ц.А. Шамликашвили, Ю.А. Яковлевой и др.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что речевая практика медиатора и его дискурсивные проявления во взаимодействии со сторонами обуславливаются и во многом определяются аксиосферой медиации. Медиатор структурирует диалог сторон в соответствии с ценностными координатами дискурса медиации, коммуникативное поведение медиатора диктуется аксиологическими основаниями его профессии.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование языковой личности медиатора в современном русскоязычном дискурсе медиации.

Задачи исследования:

- 1) охарактеризовать дискурс медиации как актуальный вид социальной и коммуникативной практики;
- 2) дать определение языковой личности медиатора как основного участника дискурса медиации;
- 3) обозначить статус медиатора в субъект-субъектной коммуникации помогающей профессии;
- 4) выделить аксиологические доминанты коммуникативного поведения медиатора;
- 5) описать диверсификацию ценностных подходов в коммуникативной практике медиации;
- 6) выделить и описать коммуникативные стратегии и тактики медиатора на каждом этапе в структуре медиативной сессии;
- 7) рассмотреть арсенал коммуникативных техник медиатора;
- 8) охарактеризовать тезаурус языковой личности медиатора;
- 9) раскрыть специфику «встроенного» медиатора как особой формы само моделирования языковой личности в дискурсе.

Методы исследования:

– методы теоретического описания: наблюдение, сравнение, обобщение, библиометрический анализ для оценки степени разработанности темы и определения приоритетных направлений лингвистических исследований дискурса медиации, публикационный и статистический методы для аналитического обзора динамики публикаций по медиации и для анализа эволюционной эпистемологии конфликта в научных исследованиях;

– методы эмпирического познания: лингвистическое наблюдение и комплексное коммуникативно-лингвистическое описание, используемые в отборе языковых и речевых явлений в соотнесении с целями коммуникации на разных этапах медиации; этимологический анализ и элементы корпусной методики для выяснения истоков происхождения и закономерностей семантизации ключевых терминов медиации; метод инференции для восстановления семантического пространства языка на основе ситуативных аспектов высказывания, связанных с правилами, принципами и опытом общения в медиации (коммуникативная импликатура по Г.П. Грайсу); моделирование коммуникативных ситуаций для описания стратегий и тактик

медиатора в конкретных условиях общения в речевой ситуации в ходе медиативной сессии.

Основополагающим для методологической базы исследования является рефлексивно-ценностный подход, устанавливающий взаимосвязь между требованиями к профессиональной подготовке медиатора и стремлением соответствовать установленным требованиям в коммуникативном поведении в ходе осуществления профессиональной деятельности в медиации. Значимыми для методологии исследования являются также интроспективные методы исследования, валидные для изучения языковой личности в частично закрытой от общественности профессиональной сфере.

Медиация не является публичным процессом, и, согласно закону, при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к данной процедуре информации. Конфиденциальность медиации представляет особое препятствие для непосредственного исследования языковой личности медиатора с использованием традиционных лингвистических методов. Допустимым здесь является исследование «изнутри», когда исследователь становится одним лицом с испытуемым, например, когда исследователь (наблюдающий субъект) для изучения медиатора (наблюдаемого объекта) сам обучается данной профессиональной области. Особенности доступа к информации в профессиональной сфере медиации определили выбор эмпирической базы исследования.

Материалом исследования послужили рефлексии и саморефлексии практикующих медиаторов о коммуникативных практиках медиации и о роли медиатора в медиации, представленные в статьях, общий объем которых составляет 3500 страниц. В качестве единицы анализа рассматривались дискурсивно релевантные речевые комплексы, которые записывались автором вручную во время прохождения программы повышения квалификации «Медиация: базовый курс» (26 октября – 26 ноября 2018 г.), а также в результате интервьюирования медиаторов и в ходе ретроспективного анализа проведенных автором медиаций с 2019 по 2024 год. Для выявления типовых характеристик устной речи медиатора в ходе процедуры медиации привлекались материалы учебников, учебно-методических и учебных пособий по медиации, отобранных по критерию участия автора (авторов) в практике медиации. Всего было проанализировано 1300 речевых комплексов.

Источником материала исследования послужили также нормативные тексты по медиации: текст Закона о медиации, кодексы этики медиаторов, нормативно-правовые документы в деятельности служб медиации, профессиональные стандарты и другие документы практикующих медиаторов. В качестве дополнительных источников при анализе материала привлекались видеообращения профессиональных медиаторов, видеоподкасты, ресурсы вебинаров, курсов повышения квалификации, видеозаписи учебных медиаций (общий объем звучания – 73 часа). Специальное внимание уделялось блогам практикующих медиаторов на платформах ВКонтакте и Rutube (в целом рассматривалось 20 блогов).

В работе также использовались материалы Национального корпуса русского языка и данные анкетирования в исследовании ключевых для медиации слов.

Достоверность привлекаемого материала исследования и верификация полученных результатов обеспечиваются включенностью автора в профессиональную сферу медиации:

- прохождение программы повышения квалификации по медиации в необходимом объеме (152 часа) и в соответствии с требованиями ст. 16 Федерального закона 193-ФЗ РФ для осуществления деятельности медиатора на профессиональной основе;

- личное участие в обучающих семинарах, вебинарах, курсах повышения квалификации: семинар-тренинг «Служба школьной медиации. Особенности взаимодействия с подростками при подготовке “группы равных”» (И.И. Манина, Е.В. Морозова, АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиации)», г. Анапа, 5 мая 2019 г.), семинар «Применение медиации и медиативных технологий при работе с семьями в практике специалистов органов опеки и попечительства» (Е.В. Морозова, АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиации)», г. Анапа, 6 мая 2019 г.), мастер-класс «Медиация – переговоры, которые открывают новые возможности» (Т. Беляева, Центр медиации и переговоров, г. Минск, Белоруссия, 28 октября 2020 г.), мастер-класс «5 ошибок, приводящих к трудовым конфликтам» (А. Пухова, И. Козич, Центр медиации и переговоров, г. Минск, Белоруссия, 3 ноября 2020 г.), онлайн-вебинар «Особенности онлайн-медиации» (А. Uzqueda, Италия, 27 ноября 2020 г.), онлайн-вебинар «Mediation like never before – transformative approach» (R. Brzobohaty, Чехия, 4 декабря 2020 г.), онлайн-семинар для медиаторов «Феномен доверия в медиации» (О.К. Шульга, г. Гродно, Белоруссия, 17 декабря 2020 г.), авторский вебинар «Как сгладить свои внутренние углы» (Е.Н. Иванова, Институт мира и исследования конфликтов, г. Санкт-Петербург, 24 мая 2021 г.), авторский вебинар «Влияние родителей на конфликты детей в школе. Что делать?» (Е. Горшенина, Институт мира и исследования конфликтов, г. Санкт-Петербург, 23 сентября 2021 г.), семинар-тренинг «Особенности этнокультурной медиации» в рамках проекта «Применение института медиации для разрешения социальных вопросов и сохранения стабильности и согласия в обществе» (г. Нур-Султан, Республика Казахстан, 30 сентября 2021 г.), тренинг для медиаторов «Медиативные стили» (Т.А. Дронзина, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, 26 октября 2021 г.), мастер-класс «Медиация – переговоры, которые открывают новые возможности» (А. Пухова, Центр медиации и переговоров, г. Минск, Белоруссия, 28 апреля 2022 г.); «Евразийский марафон медиации 2023: Кыргызстан» (Г. Кожоярова, Ж. Ниязова, Л. Власова, Кыргызстан, 30 апреля 2023 г.);

- проведение медиативных консультаций в вузе как опыт, накопленный в процессе деятельности, совмещаемой с медиацией;

- обращения с уточняющими вопросами к профессиональным медиаторам, в том числе к тренерам медиаторов, и возможность проверки

материалов, выложенных в открытом доступе, на достоверность и соответствие реалиям профессиональной деятельности в непосредственном общении с профессионалами в сфере медиации, написание статей в соавторстве с медиаторами;

– стенографирование докладов на конференциях медиаторов, наблюдение за компетентными медиаторами, известными в России и за рубежом, такими как М. Быкова, Т. Беляева, Е. Горшенина, Т. Еремеева, Д. Иванова, Е. Иванова, А. Коновалов, И. Лысенко, Р. Максудов, И. Манина, Т. Марголина, Е. Морозова, Н. Надегина, А. Птаха, В. Расторгуев, Л. Соболева, Я. Стюф, И. Терещенко, С. Тюльканов, Ц. Шамликашвили, О. Шульга, Ю. Яковлева и др.

Научная новизна исследования заключается в следующем: впервые осуществляется комплексное изучение языковой личности медиатора со стороны участника закрытого для непосредственного научного наблюдения институционального дискурса медиации. Раскрывается специфика русскоязычного профессионального дискурса медиации и определяются формы развития русского языка медиации. Уточняются роль, коммуникативный статус и стратегии коммуникативного поведения медиатора. Определяется специфика словаря языковой личности медиатора. Создается модель реализации языковой личности медиатора в конвергентных и дивергентных направлениях дискурсивного пространства. Выделяются аксиологические основания коммуникативного поведения медиатора в ходе медиативной сессии и вне процедуры медиации.

Личный вклад заключается в построении теории языковой личности закрытого институционального дискурса. Изучение языковой личности медиатора осуществляется силами профессионального медиатора с учетом аксиологической системы координат дискурса медиации.

Теоретическая значимость исследования заключается в лингвистическом освещении профессиональной деятельности медиатора. В лингвистическое поле вводятся вопросы, связанные с исследованием закрытых дискурсивных сообществ. Дается коммуникативно-прагматическое обоснование вербального и невербального поведения медиатора, определяется социолингвистический статус медиатора, комплексно осмысливается применение речевых практик языковой личности медиатора.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования полученных результатов при разработке спецсеминаров по теории языковой личности, в преподавании вузовских курсов по русскому языку и культуре деловой речи, межкультурной коммуникации и межкультурной медиации, на практических занятиях по социальному переводу и этике делового общения.

Диссертационное исследование вносит вклад в просветительскую работу для продвижения идей и практик медиации в стране. Противоречие между потребностью в популяризации деятельности медиаторов и принципами медиации, изложенными в Законе о медиации, в частности принципом конфиденциальности, делает невозможной непосредственную

рекламу медиации. В связи с этим диссертационное исследование медиатора, соблюдающего принципы медиации и действующего в соответствии с Законом о медиации, – это один из допустимых способов популяризации идей медиации в Российской Федерации. Практическая ценность исследования заключается также в приобщении филологического сообщества к развитию медиации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Медиация – активно развивающийся в России тип общения и социального взаимодействия людей в потенциально конфликтных ситуациях, связанных с альтернативным урегулированием споров. В дискурсе медиации четко разделяются роли участников: медиатора и сторон конфликта, которые реализуют свои возможности в статусно-неравноправных отношениях со специфическим сочетанием горизонтального и вертикального типов коммуникации.

2. Дискурс медиации – институциональный профессиональный дискурс, который в его стандартном и внутреннем модусах необходимо включает такие характеристики, как закрытость, жесткость и недирективность. Указанные черты характеризуют дискурс с позиции его институционального статуса, с учетом взаимодействия агентов дискурса (медиаторов) между собой и взаимодействия агентов и клиентов (медиатора и сторон). Закрытость дискурса касается конфиденциальности всей информации, относящейся к медиации. Жесткость дискурса связана с конвенциональной обусловленностью и институционально закрепленной формой переговоров в медиации. Недирективность дискурса определяется как невмешательство медиатора в содержание конфликта, в интересы и решения сторон.

3. Медиатор – ключевой участник дискурса медиации, это нейтральный посредник в переговорах конфликтующих сторон. Медиатор является групповой, коллективной, элитарной языковой личностью, цель которой – повышение договороспособности сторон. Медиатор обеспечивает канал для коммуникации сторон, которые не могут договориться без посредника. Медиатор содействует сторонам в организации и проведении переговоров, сознательно применяя свои коммуникативные умения и навыки для улучшения взаимодействия сторон и в конечном итоге для возможности общения сторон без медиатора.

4. Дискурсивный аспект проявления языковой личности медиатора связан с ценностно-регулятивными координатами, которые определяют и структурируют взаимодействие медиатора с потенциальными и реальными клиентами. Коммуникативное поведение медиатора определяют доминантные регулятивы, отраженные в нормативных текстах и пособиях для подготовки медиаторов. В ценностно-регулятивных координатах медиатора первостепенное значение имеют принципы медиации: принцип конфиденциальности, принцип беспристрастности и независимости медиатора, принцип добровольности, принцип сотрудничества и равноправия сторон. Директивная установка на следование принципам медиации – один из

конвенциональных компонентов речевого и невербального поведения медиатора в ходе его взаимодействия со сторонами конфликта/спора.

5. В зависимости от сферы применения медиации складываются конвергентные формы дискурсов, в которых языковая личность медиатора проявляется в роли основного участника: школьная медиация, восстановительная медиация, этномедиация и онлайн-медиация. Ценности каждой конвергентной модели выступают регулятором взаимоотношений сторон и определяют специфику коммуникативного статуса медиатора.

6. В континууме дискурса медиации выделяются стили медиации, которые объединяются в четыре группы: классическая медиация, оценивающая медиация, трансформативная медиация, нарративная медиация. В каждом из выбранных стилей медиации медиатор как обученный специалист с помощью особого арсенала коммуникативных техник помогает сторонам урегулировать разногласия в разного рода конфликтных ситуациях.

7. Медиатор организует контролируемое взаимодействие сторон в форме структурированного процесса – процедуры медиации. Процедура медиации протекает в рамках одной или нескольких медиативных сессий. Медиативная сессия представляет собой коммуникативное событие, организуемое медиатором и происходящее в коммуникативной ситуации дискурса медиации. Каждая медиативная сессия планируется как ряд последовательных шагов, каждый из которых представляет собой жанр коммуникативного события: 1) введение в процесс медиации; 2) презентация сторон; 3) дискуссия по выработке вопросов для обсуждения; 4) кокус; 5) дискуссия по выработке возможных предложений; 6) подготовка проекта соглашения; 7) выход из медиации. Для каждого жанра коммуникативного события в медиации характерны определенные коммуникативные стратегии и тактики медиатора.

8. На каждом этапе процедуры медиации медиатор реализует коммуникативные цели в зависимости от характера спора, особенностей медиантов, сферы применения медиации, практикуемого стиля и выбираемой модели медиации. Речевое поведение медиатора – это совокупность его конвенциональных речевых поступков, которые совершаются не просто с учетом медиантов, а в тесной связи с их речевыми поступками навстречу медиатору и навстречу друг другу на разных стадиях в процессе медиации.

9. Развитие дискурса медиации в России сопровождается развитием специфического языка медиатора, который формируется на основе русского языка по примеру английского языка медиации. Формирование русского языка медиации осуществляется в соотнесении с российской референтной сферой медиации. Степень терминологизации речи медиатора повышается по мере приближения к теоретическому полюсу внутреннего общения медиаторов между собой и понижается по мере приближения к профессиональному полюсу общения медиаторов со сторонами.

10. Аксиология дискурсивного проявления медиатора заключается в том, что медиатор следует конвенциям дискурса и подчиняется нормативным ориентирам, но в своей речевой практике медиатор не оперирует ценностно-

оценочными комплексами, оставаясь нейтральным посредником для конфликтующих сторон. Аксиологическая функция не свойственна речи медиатора, но коммуникативная функция аксиологически обоснована и ограничена институционально. Дискурсивно релевантной характеристикой языковой личности медиатора является также переход внешних ценностей в аксиологической картине мира медиатора во внутренние ценности, обуславливающие дискурсивную профессиональную трансформацию медиатора.

Апробация работы. Основные положения диссертации, ее результаты и материалы были изложены в докладах и сообщениях на научных конференциях: всероссийская научная конференция с международным участием «Философия современности» (Омск, 05 ноября 2013 г.), VIII Международная научно-методическая интернет-конференция «Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы» (Москва, 2013 г.), VII Международная научно-практическая конференция «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация» (Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.), IX Международная научно-практическая конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 18–20 апреля 2018 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии» (Пермь, 23 апреля 2013 г., 25–26 апреля 2016 г., 25–26 апреля 2018 г., 24–25 апреля 2019 г., 24–25 апреля 2020 г., 22–23 апреля 2021 г.), международная научно-практическая конференция «Образование и наука: современное состояние и перспективы развития» (Тамбов, 31 августа 2015 г.), международная научно-практическая конференция «Индустрия перевода» (Пермь, 6–8 июня 2016 г., 4–6 июня 2018 г., 13–15 июня 2019 г.), международная научно-практическая конференция «Новейшая филология: итоги и перспективы исследований» (Омск, 15–16 февраля 2019 г.), VI Международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения, Москва, 21–23 февраля 2019 г.), III Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (Пенза, 24–26 апреля 2019 г.), II, III Международные практические конференции «Медиация: опыт настоящего. Перспективы будущего» (Анапа, 6–7 мая 2019 г., 17–18 сентября 2020 г.), II Международная научно-практическая конференция «Медиация в современном образовательном пространстве» (Москва, 28 октября 2019 г.), всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Филология и образование в поликультурном мире» (Пермь, 24 декабря 2019 г.), X Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 1–3 октября 2020 г.), гуманитарная секция всероссийской научно-практической конференции «Агротехнологии XXI века: стратегия развития, технологии и инновации» (Пермь, 20 октября 2020 г.), VI Международная очно-заочная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы переводоведения

в XXI столетии» (Горловка, Украина, 3 марта 2021 г.), всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Развитие медиации как инструмента формирования корпоративной культуры и гармонизации взаимоотношений в образовательном пространстве» (Держинский, 15 ноября 2021 г.), секция «Гуманитарные науки в инженерной сфере» на международной научно-технической конференции «Инженерная наука: проблемы, идеи, перспективы» (ENGINEER-2022) (Пермь, 8 апреля 2022 г.), международная междисциплинарная конференция «Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур» (Москва, 22 апреля 2022 г.), XII Всероссийская научная конференция «Социокультурная идентичность в контексте глобальных трансформаций общества: история, современность, будущее» (Кострома, 22–23 апреля 2022 г.), X Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии в современном мире», посвященная памяти профессора О.Я. Гойхмана (Светлогорск, 19–22 мая 2022 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции» (Уфа, 20 октября 2022 г.), XI Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации» (Липецк, 21–22 октября 2022 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Стратегии и тактики эффективной коммуникации в вузе» (Пермь, 8 февраля 2023 г.), X Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации» (Москва, 19 апреля 2023 г.).

Основное содержание работы отражено в 45 публикациях общим объемом 48,18 п. л. (авторский вклад – 46,03 п. л.), в том числе в 18 публикациях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Теоретические положения исследования прошли апробацию в курсе лекций и практических занятий по дисциплине «Межкультурная медиация» в магистратуре Пермского национального исследовательского политехнического университета в 2020–2022 годах и докладывались на межвузовском научном семинаре «Конструктивный диалог», проводимом на базе Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д.Н. Прянишникова с 2020 по 2024 год.

Структура рукописи диссертации включает в себя введение, 3 главы, заключение, список использованной литературы, насчитывающий 615 источников, 4 приложения. Общий объем работы составляет 461 страницу печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и описывается степень разработанности темы, определяется теоретическая основа исследования, формулируются гипотеза, цель и задачи, обосновываются методы и материал

исследования, определяются научная новизна исследования и личный вклад соискателя, излагается теоретическая и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту, описывается апробация исследования.

Глава 1 «Языковая личность медиатора в фокусе современной дискурсологии» посвящена дискурсивным аспектам проявления языковой личности медиатора. Дискурс медиации рассматривается как человекомерная практика, связанная с разрешением разногласий или примирением конфликтующих сторон.

В интерпретации дискурса медиации значимы социальный, исторический и культурный контексты. *Социальный контекст* касается сферы применения медиации. Медиация является альтернативным традиционной системе правосудия типом социального взаимодействия, который применяется в различных сферах жизни общества: международные отношения, производственная и торгово-финансовая сферы, система социального обеспечения и здравоохранения, образование, сфера межличностных отношений и др. *Исторический контекст* дискурса медиации связан с исторической ретроспективой посреднических процедур в урегулировании разного рода конфликтных ситуаций и формированием на российской почве института разрешения споров с начала 90-х годов XX века. *Культурный контекст* в интерпретации дискурса медиации дает представление о культуре поведения в конфликте не с позиции силы или права, а с позиции взаимного согласования интересов сторон.

Дискурс медиации относится к институциональным дискурсам. Медиация – конвенциональная система форм деятельности, закрепленная законодательно и внедряемая в России с использованием административного ресурса. В характеристике дискурса медиации определяются основные признаки модели институционального дискурса, по В.И. Карасику. *Конститутивные признаки* дискурса медиации заключаются в специально организованных переговорах с участием третьего независимого лица и направленных на достижение взаимовыгодных договоренностей, ориентированных на настоящее и будущее. *Признаки институциональности* проявляются в поддержании нового негосударственного института защиты прав и интересов граждан, возникновение которого детерминировано потребностью людей в гуманном урегулировании споров и конфликтов и организованной практике гармонизации социальных взаимоотношений. *Признаки типа общественного института* не сводятся к одному концепту, а обуславливаются рядом ключевых слов и словосочетаний: «посредничество», «примирение», «урегулирование конфликта/спора», «переговоры с участием нейтрального посредника», «потребность в гуманном решении», «гармонизация социальных отношений». *Нейтральные признаки* институционального дискурса заключаются в распространении явлений, не связанных с дискурсивными практиками медиации, но имеющих отношение к посреднической деятельности в социальном взаимодействии.

Ядром дискурса медиации является речевое взаимодействие, как минимум, трех участников: двух сторон конфликтной ситуации и медиатора – независимого посредника, который помогает сторонам найти решение, основанное на их взаимных интересах. Медиатор выступает как агент дискурса медиации, играющий активную роль в институциональном общении, а стороны относятся к клиентам, которые не могут обсуждать свои проблемы без участия посредника из-за нарушенной способности к диалогу, сильных эмоций и тактики противостояния.

В институциональном дискурсе медиации выделяются три модуса общения, по Л.С. Бейлинсон: общение между агентами (внутренний дискурс), общение агента с клиентом (стандартный дискурс) и общение между клиентами (внешний дискурс). Определение дискурса медиации в его стандартном и внутреннем модусах необходимо включает такие его характеристики, как недирективность, стандартность и жесткость.

Недирективность заключается в невмешательстве медиатора в интересы и решения сторон. Медиация «альтернативна любому директивному способу разрешения споров, когда спорящие стороны лишены возможности влиять на исход спора, а полномочия на принятие решений по спору делегированы третьему лицу» (Н.И. Леонов). Директивность может быть процессуальной и экспертной (в терминах Е.Н. Ивановой). Недирективность медиатора касается его экспертного невмешательства: медиатор не выясняет, кто прав, кто виноват, не выносит решения по спору, не оказывает давления на участников конфликта, не оказывает юридической, консультационной и другой помощи. С позиции внешнего институционального дискурса в медиации могут рассматриваться персуазивные стратегии коммуникации, но во внутреннем и стандартном модусах общения они медиатору не свойственны.

Жесткость как характеристика медиации касается нормативной организованности и конвенциональной обусловленности деятельности медиатора. Переговоры в медиации заключаются в рамки институционально закреплённой формы – процедуры медиации, которая представляет собой определенный ритуал, состоящий из нескольких компонентов и комплекса организационных мер по реализации каждого компонента. Жесткость дискурса медиации связана также с принципами медиации, которым медиатор должен неукоснительно следовать. Несоблюдение принципов медиации негативно отражается на эффективности процедуры медиации и сказывается на репутации медиатора. Вместе с тем жесткость характеризует дискурс медиации со стороны его ключевого участника, от которого требуется строгое соблюдение правил, а также соблюдение этих правил другими участниками дискурса. Со стороны исследователей медиации, не включенных во внутренний институциональный дискурс и являющихся потенциальными клиентами медиатора, медиация может рассматриваться как нежесткий тип институционального дискурса, особенно если учитывать преимущества медиации в сравнении с судебным разбирательством.

Закрытость дискурса медиации связана с конфиденциальностью всей информации, относящейся к процедуре медиации. Конфиденциальность касается как медиатора, защищающего информацию, доверенную ему сторонами, так и организационного обеспечения конфиденциальности между сторонами во время переговоров: запрещается стенографирование, аудио- и видеозапись переговоров. Закрытость институционального дискурса медиации осложняет рекламу медиации и создает трудности для изучения внутреннего и стандартного модусов общения в медиации для исследователей из внешнего институционального дискурса.

Внешний модус общения характеризует выделяемые в лингвистических исследованиях цели медиации: разрешение спора конфликтующих участников, достижение компромисса и примирение сторон. Во внутреннем же модусе общения, то есть в «теоретическом дискурсе специалистов» (В.И. Карасик), *компромисс* – это движение внутри заданных границ. В компромиссе каждой стороне приходится поступиться частью своих интересов, то есть стороны остаются в чем-то ущемленными, а это может привести к новому конфликту. В медиации же важно, чтобы стороны нашли решение на основе *консенсуса, сотрудничества*, расширяющего границы. В определении целей медиации медиаторы осторожны с термином *разрешение конфликта*, который в смысловом плане тяготеет к «завершению конфликта», то есть внешнему изменению конфликтного поведения. В указании целей медиации чаще используется термин *«урегулирование конфликта»*, который в большей мере отражает участие посредника и его организующую роль в налаживании диалога сторон. Наконец, медиация – это не всегда *примирение*. Во внутреннем институциональном дискурсе медиации примирение – один из способов завершения конфликта, который может осуществляться как с посредником, так и без него. Отождествление медиации с примирением во внешнем модусе институционального общения, то есть в общении клиентов между собой, существует наряду с размытостью представлений о медиации как о новой коммуникативной практике и методе урегулирования споров.

Медиатор является основным типовым участником дискурса медиации, это групповая, коллективная языковая личность, цель которой – повышение договороспособности сторон. Конфликт как мотивационная основа деятельности медиатора определяет мотивационный (прагматический) уровень реализации языковой личности в дискурсе и обуславливает коммуникативное поведение медиатора по отношению к другим участникам медиации. Участники дискурса медиации – медиатор и стороны – реализуют свои возможности в статусно-ролевых отношениях. Медиатор и стороны конфликта не принадлежат к группам равного ранга, так как медиатор – это лицо, уполномоченное для осуществления коммуникации сторон в конфликте. Вместе с тем медиатор не стоит выше сторон и не образует четко выраженную вертикаль общения со сторонами. Элемент вертикальности проявляется в организации горизонтальной коммуникации, которая невозможна без медиатора.

Профессиональный регистр дискурса медиации – один из признаков его институциональности. Медиатор является профессиональной языковой личностью, социально ориентированной на оказание помощи сторонам в конфликтной ситуации. Помощь языковой личности медиатора эксплицируется недирективно и выражается в организации взаимодействия сторон и поиске здоровых зон коммуникации. Недирективность связана с содержательной частью переговоров и не касается контактоустанавливающей и контакторегулирующей метакоммуникативных функций медиатора.

Медиатор работает в потенциально агрессивной среде, в которой сталкиваются оппоненты конфликтного дискурса. Медиатор помогает сторонам конфликта трансформировать коммуникативную ситуацию в направлении «конфликт – кооперация». В конфликтном дискурсе, с которым коррелирует дискурс медиации, медиатор является переводчиком с языка эмоций на нейтральный язык для установления конструктивного диалога сторон. Эмоциональный компонент в структуре языковой личности медиатора проявляется в отслеживании и трансформации эмоций конфликтующих сторон и в контроле своих собственных эмоций.

Языковая личность медиатора интегрируется в профессиональный дискурс посредством получения знаний, взаимодействуя с профессиональными языковыми личностями, присваивая нормы и стереотипы коммуникативного поведения и нацеливаясь на реализацию общих профессиональных целей. Аксиосфера медиации рассматривается как формирующий конструкт личности медиатора.

В коммуникативном поведении медиаторов большое внимание уделяется категории оценочности в коммуникативных проявлениях и в языковом сознании медиатора. Медиатор не оперирует ценностно-оценочными комплексами в речи: не оценивает содержание высказываний сторон, не оценивает эмоции, поведение, личностные особенности сторон и не проявляет свою оценочность по отношению к сложившейся конфликтной ситуации. Однако оценочность в деятельности медиатора ярко проявляется по отношению к своей дискурсопорождающей практике, к ходу ведения процедуры медиации. Медиатор оценивает в категориях «хорошо-плохо», «правильно-неправильно» свое коммуникативное поведение, учится саморефлектировать, анализировать сказанное и уделять внимание своим невербальным реакциям. Профессия медиатора относится к так называемым «коммуникативным профессиям» (В.П. Тимофеев), от профессионального общения медиатора зависит эффективность его деятельности, а коммуникативные практики медиатора связаны с умением отбирать оптимальные языковые средства для достижения необходимого результата коммуникации в ситуации конфликта.

Глава 2 «Ценностно-регулятивные координаты языковой личности медиатора» дает представление о ценностных ориентирах в медиации, определяющих взаимодействие медиатора с потенциальными клиентами.

Дискурсивное проявление языковой личности медиатора осуществляется в контексте ценностей современного российского общества.

Для оценки популярности дискурса медиации и степени освоения общественным опытом ценностей медиации был проведен анализ контекстов употребления ключевых для медиации слов *медиация* и *медиатор*.

Обращение к функционалам «Портрет слова» и «Газетные центральные СМИ» в Национальном корпусе русского языка позволило обнаружить, что слово *медиация* преимущественно актуализируется в значении мирного способа разрешения международных споров в текстах периода XVII–XIX веков. К этому же периоду относятся примеры лингвистического окружения слова, актуализирующие общее значение посредничества как «содействия соглашению, сделке». Актуальное значение посредничества в конфликтной ситуации становится частотным только в начале XXI века с распространением идей медиации в стране. В контекстах употребления однокоренного слова *медиатор* актуализируется широкозначное значение посредника, лидирующим по употреблению является медицинско-физиологическое и «музыкальное» значения слова. В значении медиатора как посредника в споре/конflikте слово встречается только в 2,7 % употреблений. Анализ лингвистических контекстов в целом показывает, что слова, репрезентирующие институциональный дискурс медиации и именуемые ментальные образования, ценностно значимые для существования языковой личности медиатора, еще недостаточно освоены общественным опытом, что связано с продолжающимся этапом становления института медиации.

Результаты самоизмерения языкового сознания современных носителей русского языка также показали, что ценности медиации в России еще не получили повсеместного распространения. Была проведена эмпирическая проверка агнонимичности слова *медиация* в аудитории людей, не связанных с профессиональной деятельностью медиатора и представляющих потенциальных клиентов в медиации. «Прямое зондирование» (термин В.В. Морковкина) языкового сознания современных носителей русского языка показало, что *медиация* – это агноним, то есть слово, которое пока еще не известно, не понятно и мало понятно носителям русского языка. Так, на шкале уровней понимания слова «совсем не знаю, не понимаю – понимаю, знаком, употребляю» слово *медиация* находится ближе к левому полюсу, так как 59 % опрошенных совсем его не знают, 27 % человек ложно соотносят медиацию с медиасферой, музыкой, медитацией и рядом наук, большая часть которых никак не связана с деятельностью по альтернативному разрешению споров, в 7 % случаев наблюдается частичное понимание слова, и только 7 % человек смогли относительно точно определить значение слова в соотнесении с особым рода посреднической деятельностью.

Распространение и частотность употребления слов *медиация* и *медиатор*, представляющих уже существующий дискурс медиации, а также степень освоенности важных для языковой личности медиатора ключевых слов показательны для описания субъектов, которых можно условно отнести к потенциальной клиентуре медиатора, представляющих внешний институциональный дискурс медиации. Для внутреннего и стандартного модулов общения в медиации ценностно значимы нормы коммуникативного

поведения, отраженные в положениях законов и кодексов медиатора, в параграфах учебников и учебных пособий, в текстах научных статей медиаторов.

В дискурсе медиации четко прописываются роли медиатора и сторон. Стороны (*стороны спора/конфликта, участники спора, медианты*) – субъекты отношений, желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации. Медиатор (медиаторы) – независимое физическое лицо (независимые физические лица), привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. Медиатор называется *медиатором-посредником, профессиональным посредником, ведущим* (в восстановительной медиации), *куратором* (в школьной службе примирения). Медиатор обеспечивает канал для коммуникации сторон, которые не могут договориться без медиатора.

В определении медиаторов цель медиации – *«помощь конфликтующим сторонам в самостоятельной выработке взаимоприемлемого жизнеспособного решения, снижение повышенной эмоциональной отягощенности конфликта, прояснение истинных интересов сторон»* (О.В. Аллахвердова, А.Д. Карпенко). Медиатор помогает урегулировать конфликт коммуникативным путем в специально организованной процедуре, в которой стороны и медиатор участвуют добровольно. Коммуникативное поведение медиатора выстраивается в процессе устной коммуникации со сторонами конфликта и в квалифицированной помощи в составлении письменных документов: *соглашения о применении процедуры медиации, соглашения о проведении процедуры медиации, медиативного соглашения* и других документов регламентирующего характера, текстовые модели которых объективируют предлагаемые содержательные инварианты.

Нормативным предписанием для языковой личности медиатора является готовность к работе в конфликтной ситуации. В ходе интеграции в профессиональное сообщество происходит трансформация языкового сознания медиатора. Так, определяющим для коммуникативного поведения медиатора является позитивное отношение к конфликту, то есть понимание того, что *конфликт* является обычной частью жизни, которую можно использовать для учебы и личностного роста. Данное понимание находится в противоречии с привычным для русскоязычного человека отрицательным отношением к конфликту.

На основании кодексов медиаторов в статусно-ориентированном дискурсе медиаторов выделяются два типа общения, по В.И. Карасику: профессиональный институциональный дискурс и теоретический дискурс специалистов – диалог между медиатором (медиаторами) и конфликтующими сторонами и диалог между профессионалами-медиаторами. Совокупность ценностных воззрений о медиации и об основах профессиональной деятельности медиатора, заключенная в авторитетных текстах о медиации, складывается в систему ценностных координат, транслируемую в диалоге специально подготовленных агентов социального института медиации и среди

всех носителей языка, которые в той или иной жизненной ситуации могут прибегнуть к услугам медиатора.

В ценностно-регулятивных координатах медиатора первостепенное значение имеют принципы медиации: принцип конфиденциальности, принцип беспристрастности и независимости медиатора, принцип добровольности, принцип сотрудничества и равноправия сторон.

Принцип конфиденциальности. Медиатор не вправе разглашать информацию, ставшую ему известной во время встречи со сторонами, всё, о чем говорится и что обсуждается во время медиации, остается тайной. Стороны сами решают, какую информацию можно оглашать. Непубличность медиации делает переговоры для сторон открытыми и безопасными.

Вербально принцип конфиденциальности проявляется в сообщении сторонам о принципах медиации, в частности, о конфиденциальности процедуры медиации, на этапе подготовки к медиации, во введении в процедуру медиации, в содержании первого этапа медиативной сессии, в начале и в конце индивидуальных встреч. Например, во вступительном слове медиатор сообщает сторонам: *«Принцип конфиденциальности. Это означает, что я гарантирую вам конфиденциальность со своей стороны, и никакая информация не уйдет за пределы этой комнаты через меня. Гарантировать конфиденциальность между вами я не могу, поэтому, если это необходимо, вы можете это сейчас оговорить, как это сделать»*. Коммиссивное перформативное высказывание влечет за собой исполнение принципа конфиденциальности на протяжении всей медиативной сессии. Иллокуция гарантии медиатора – коммуникативная интенция автореферентного соблюдения конфиденциальности, перлокутивный эффект сообщения о конфиденциальности заключается в выстраивании доверительных отношений со сторонами, то есть в создании условий, при которых стороны могли бы высказывать свое мнение и давать информацию без опасения для своей репутации. Медиатор предлагает сторонам обсудить гарантии конфиденциальности между собой, при этом следит за адекватным пониманием сказанного и за согласием соблюдения принципа каждой из сторон: *«Марина, Вам нужно дополнительно обсудить гарантии конфиденциальности? Анна, Вам нужно дополнительно обсудить гарантии конфиденциальности?»* При необходимости медиатор помогает оформить *«Обязательство о неразглашении информации»*.

В определении конфиденциальности медиатор констатирует готовность сторон сохранять тайну, вместе с тем в этой констатации скрывается процессуальный директив: *«вы не будете разглашать информацию, которая станет вам известной в ходе наших переговоров, без согласия друг друга» = не разглашайте / не рекомендую разглашать*. Как организатор процесса медиатор знакомит стороны с принципом конфиденциальности, соблюдает его сам и следит за его соблюдением, а в случае нарушения принципа, например в условиях обнаружения аудиозаписи переговоров, прямо сообщает об этом сторонам в перформативном высказывании: *«Я прекращаю процедуру медиации, потому что не могу обеспечить конфиденциальность»*.

Анализ принципа конфиденциальности в коммуникативном поведении медиатора показывает, что соблюдение этого принципа не касается только лишь практики общения участников медиации (медиатора и сторон) между собой в рамках дискурса медиации, но имеет выход за пределы процедуры медиации, в диалог с социумом: широкой общественности нет свободного доступа к информации медиативных сессий.

Принцип беспристрастности и независимости медиатора (принцип нейтральности). Медиатор является нейтральным посредником, он не находится в организационной, функциональной или иной зависимости от сторон, не может осуществлять свою деятельность, если лично заинтересован в ее результате и если эмоционально присоединяется к сторонам. На этапе подготовки сторон к медиации медиатор сообщает, что он *«не состоит в близких или родственных отношениях»* ни с одной из сторон, *«не является судьей»*, то есть не зависим от суда, и *«не принимает решения, кто прав и кто виноват»*, что он *«не заинтересован в том, чтобы ситуация разрешилась в пользу одной из сторон»*. Высказанные в перформативном ключе положения, касающиеся независимости медиатора, соблюдаются в ходе всей процедуры медиации. Вербально принцип нейтральности объективируется в раскрытии медиатором сути принципа, а также в речевых комплексах медиатора, сопровождающих рассказ или реплики каждой из сторон конфликта, например:

Сторона: *«Не нужны мне его подачки!»*

Медиатор: *«Вы требуете разумную плату за ущерб, да?»*

Нейтральность проявляется в выделении объективной информации. Медиатор «возвращает» реплику стороны, не интерпретируя сказанное и отделяя факты от эмоций.

Используемые медиатором конструкции четко разграничивают медиатора и стороны: *«вы выслушали друг друга»*, *«вы обозначили темы»* / *«вам удалось найти»*, *«теперь у вас есть возможность задать друг другу вопросы»* / *«у меня есть необходимость побеседовать с вами индивидуально»*. В лексическом плане нейтральность в речи медиатора проявляется в использовании нейтральной, межстилевой лексики, лишенной экспрессии, эмоциональных оценок и предназначенной для констатирующего обозначения. В ряде случаев медиатор выступает в роли «переводчика», осуществляя перевод лексики из одного речевого регистра в другой для обеспечения понимания сторонами друг друга:

Сторона: *«Не, проверка через неделю... я очкую».*

Медиатор: *«У вас много опасений в связи с этой проверкой».*

На фонетическом уровне соблюдение принципа нейтральности наблюдается в ряде звуковых реакций медиатора, позволяющих отреагировать на реплики сторон безэмоционально и без вмешательства в содержание услышанного: *«гм»*, *«угу»*, *«и...»*, *«то есть»* и др.

Беспристрастность и независимость медиатора отражаются в кинетических, зрительных и пространственных сигналах, которые передаются

медиатором в процессе медиации. Например, мимика медиатора нейтральна и представляет собой предмет неперемного самоконтроля.

В ходе медиации коммуникативное поведение медиатора подвергается проверке на соответствие принципу нейтральности, так как стороны в решении своего вопроса нередко пытаются привлечь медиатора в качестве союзника. Здесь важным является **неприсоединение медиатора к сторонам как ценностный ориентир коммуникативного поведения**. Когда медиатора стараются привлечь на свою сторону, медиатор напоминает: *«Я являюсь нейтральным»*. Нейтральность в речи медиатора выражается в прямом или косвенном цитировании Закона о медиации: *«В соответствии с принципами медиации медиатор не имеет права консультировать стороны по юридическим, психологическим и иным вопросам, какова бы ни была его основная профессия. Поэтому, я полагаю, с этим вопросом Вам лучше обратиться к другому юристу»*.

Принцип добровольности. Согласно данному принципу, медиатор свободно выбирается, стороны и медиатор добровольно участвуют в медиации, каждый участник медиации в любой момент может отказаться от медиации, принятые соглашения исполняются на добровольной основе.

Вербальное проявление принципа обнаруживается на начальном этапе процедуры медиации, когда медиатор знакомит стороны с принципом добровольности: *«Все стороны принимают участие в данных переговорах добровольно (1). Я также нахожусь здесь добровольно и могу прервать переговоры в том случае, если увижу, что вы пришли сюда не договариваться, а с иными целями (2). Вы тоже можете прервать переговоры в любой момент без объяснения причин, если что-то, по вашему мнению, пойдет не так»*. Первая часть речевого комплекса содержит в себе скрытый директивный посыл – медиатор создает условия для переговоров и контролирует соблюдение этих условий. Во второй части медиатор оговаривает условия, при которых он может сам прервать переговоры сторон, которые пришли на медиацию, чтобы **договариваться** – цель, достижению которой медиатор содействует. В третьей части речевого комплекса медиатор обозначает добровольность выхода из медиации каждой из сторон.

Медиатор контролирует понимание каждого фрагмента содержания принципа добровольности, запрашивая обратную связь у сторон: *«Вам понятно содержание принципа добровольности, Иван Иванович?.. Спасибо. Вам, Мария Петровна? Благодарю Вас»; «Вы по доброй воле пришли сегодня на медиацию?»* Далее медиатор контролирует соблюдение принципа добровольности на протяжении всей процедуры медиации, отслеживает добровольность принятия решений, напоминает сторонам о возможности прекращения медиации, например, говорит: *«Переговоры могут быть прерваны по вашему (и моему) желанию/воле...»*

Принцип добровольности сторон подчеркивается медиатором в обозначении границ ответственности участников медиации: *«Я как организатор переговоров несу ответственность за то, чтобы диалог между вами был конструктивным и соответствовал вашим интересам, а*

ответственность за то, придете ли вы к соглашению, лежит только на вас. Ответственность за исполнение принятого соглашения также лежит только на вас. Никто не принимает решения за вас».

Медиатор контролирует соблюдение принципа добровольности не только в принятии решений сторонами, но и в утверждении правил проведения процедуры медиации: *«Вы готовы работать в соответствии с этим правилом, Мария Ивановна?»*

Принцип сотрудничества и равноправия сторон. Принцип раскладывается на два принципа, рассматриваемых вместе.

Равноправие – равные права при выборе медиатора, отсутствие у сторон процедурных преимуществ, равные возможности для участия сторон в отстаивании своих интересов, в выдвижении предложений. Принцип равноправия затрагивает стороны медиации. Медиатор обеспечивает соблюдение этого принципа на протяжении всей процедуры медиации. Коммуникативным проявлением обеспечения равноправия является равная невербальная и вербальная обращенность к сторонам в ходе процедуры медиации. Медиатор дает возможность высказаться каждой стороне в равной мере, обеспечивает равное участие в обсуждении проблемы, следит, чтобы продолжительность индивидуальных бесед была одинаковой, при решении процедурных вопросов и во вступительном слове спрашивает одинаковым образом обе стороны конфликта/спора: *«Вам понятно содержание этого принципа, Ольга Геннадиевна?.. Спасибо. А Вам, Мария Павловна, понятно ли Вам содержание этого принципа?.. Спасибо».*

Директивная установка на следование принципам медиации способствует созданию в медиации так называемых «доверительных отношений». Установление доверия является основной предпосылкой сотрудничества сторон.

Сотрудничество – кооперативная стратегия поведения в конфликте, заключающаяся в содействии друг другу для достижения конечного результата. Медиатор создает условия для сотрудничества сторон. Установка на сотрудничество проявляется в объединении сторон против проблемы, а не друг против друга, и в ориентировании сторон не на прошлое, а на настоящее и будущее. Ведение переговоров в русле сотрудничества выражается в формуле «выигрыш – выигрыш» («win – win»).

Принцип сотрудничества мы интерпретируем через постулаты кооперации Г.П. Грайса. Категория количества связана с количеством информации, не ограничиваемой на этапе презентации сторон, однако медиатор фактически следует постулатам этой категории, уточняя в нейтральных вопросах детали спора, перефразируя и резюмируя сказанное, обеспечивая каждой стороне возможность быть услышанной: *«Я вижу, что для Вас, Иван Иванович, важно ..., а для Вас, Маргарита Павловна, важно...»* Категория качества проявляется в вопросах медиатора, направленных на исследование объективной и субъективной картин конфликта без определения «правых» и «виновных». В изучении субъективной стороны конфликта медиатор раскладывает сказанное на факты, интерпретации и эмоции.

Категории отношения в принципах кооперации Г.П. Грайса соответствуют вопросы медиатора, связанные с реалистичностью выдвинутых сторонами предложений. Проверка на релевантность принятых решений эксплицируется следующим образом: «*Как это воспримет другая сторона?*»; «*Насколько это реально исполнить?*»; «*Насколько вероятно, что другая сторона это сделает?*» Категория способа проявляется в том, что медиатор не допускает нарушения процедуры, не дает сторонам перебивать и оскорблять друг друга.

Принципы медиации определяют коммуникативное поведение медиатора и формируют модели его взаимодействия со сторонами на каждом из этапов процедуры медиации. Директивная установка на следование принципам медиации – один из конвенциональных компонентов дискурса медиации и показатель жесткого варианта институционального общения.

К ценностно-регулятивным координатам языковой личности медиатора относится учет разнообразия видов медиации в разных сферах практики. Выделяются отдельные модели медиации: школьная медиация, восстановительная медиация, этномедиация и онлайн-медиация.

Школьная медиация используется в институтах, принимающих участие в развитии личности ребенка. Стороны здесь – это ученики, или учителя и ученики, или учителя и родители. В роли медиатора выступают специально обученные учителя, психологи, социальные педагоги или сами учащиеся. В России модель медиации реализуется в так называемых «школьных службах примирения». В школьной медиации наблюдается сложное коммуникативное *взаимодействие дискурса медиации и педагогического дискурса*. Дискурсивная конвергенция здесь осуществляется по типу эволюции и инволюции (типы дискурсивной конвергентности по В.И. Карасику). Эволюция заключается в закреплении культурной традиции мирного разрешения споров и конфликтных ситуаций, в развитии способности к взаимопониманию. Элементы инволюции дискурса медиации проявляются тогда, когда инновационная технология альтернативного разрешения споров и конфликтов в школе не приживается в силу ряда причин, например, из-за существующей традиции депроблематизации конфликтов.

Восстановительная медиация – персонально ориентированный конструктивный диалог между правонарушителем (преступником) и потерпевшим, направленный на обсуждение вопроса по заглаживанию вреда. Медиатор здесь – ведущий, организующий взаимодействие правонарушителя и потерпевшего, а также их ближайшего окружения. Тема обсуждения – конкретные обязательства, взятые на себя нарушителем в целях заглаживания вреда, меры, необходимые для его ресоциализации, и меры, необходимые для психологической и социальной реабилитации жертвы. В восстановительной медиации наблюдается *взаимодействие судебного дискурса и дискурса медиации*. Характер конвергентных процессов здесь – экспансия: мы видим расширение сферы дискурса медиации на коммуникативную сферу правосудия, однако здесь необходима специальная оговорка: концепция восстановительного правосудия возникает как реакция на существующую карательную модель институционального общения.

Этномедиация – медиация в межэтнических конфликтах, базирующихся на национально-этнической идентичности. Здесь дискурсивная конвергентность наблюдается в *существовании дискурса медиации и миграционного дискурса*, где медиатор выступает как социальный агент (в ряде случаев переводчик), активно вовлекаемый в процесс предупреждения и разрешения конфликтов, возникающих между участниками миграционного дискурса: мигрантами, государством, работодателями, резидентами. Миграционный дискурс вовлекает в процесс взаимодействия дискурсы, которые так или иначе связаны с адаптацией и аккультурацией мигрантов в принимающем обществе: *юридический дискурс, психологический, педагогический, медицинский, переводческий*. Конвергентность дискурса медиации в миграционном пространстве проявляется по типу встраивания коммуникативной практики медиации в практику участников других дискурсов для осуществления перехода от конфликта к интеграции.

Онлайн-медиация – урегулирование споров в режиме онлайн: общение в чате, аудио- и видеозвонки, обмен электронными письмами. Информационно-коммуникационные технологии именуется здесь *четвертой независимой стороной*. Претерпевающий изменения в условиях электронной коммуникации *дискурс медиации сближается и поглощается интернет-дискурсом* по типу экспансии последнего и вынужденной эволюции первого. Эволюция для медиации здесь проявляется в проработке моделей онлайн-медиации с законодательной стороны и в подготовке медиаторов к новому формату проведения медиации с учетом его особенностей: основными проблемами онлайн-медиации являются недоступность невербальной информации, технические трудности и трудности с обеспечением конфиденциальности.

Модели медиации мы рассматриваем как специализации в профессиональной «достройке» (в терминологии И.М. Фейгенберга) медиатора. Ценности каждой модели выступают регулятором взаимоотношений сторон и определяют специфику коммуникативного статуса медиатора. Для достройки медиатора содержательную ценность имеют стили медиации, которые объединяются в 4 группы: классическая медиация, оценивающая медиация, трансформативная медиация, нарративная медиация. Для каждого стиля мы выделяем аксиологическую основу, обуславливающую коммуникативное поведение медиатора.

Классическая (содействующая, способствующая, фасилитативная) медиация – стиль, описанный в Законе о медиации, – медиация, направленная на решение проблем. Аксиологической основой здесь выступает *урегулирование разногласий*. Медиатор организует процесс, предлагая сторонам изложить свои позиции, и создает условия для поиска взаимоприемлемого решения сторон.

В **оценивающей (оценочной) медиации** медиатор влияет на результаты переговоров: оценивает перспективы разрешения спора, в частности в плоскости правоприменения, и предлагает свои варианты разрешения

конфликта. Аксиологическая база данного стиля медиации – *внимание на юридических правах сторон*.

В **трансформативной (трансформационной, преобразующей) медиации** медиатор содействует восстановлению отношений между сторонами. Ход медиации могут определять сами стороны. Урегулирование спора здесь не является основным критерием успешности медиации. С помощью медиатора стороны выходят из замкнутого состояния и преобразуют свои слабые черты в сильные: становятся более уверенными, спокойными, решительными, фокусируются на проблеме и понимают, что обладают ресурсами, а в ресурсном состоянии способны признать потребности другой стороны. Аксиология данного подхода в медиации – это *расширение возможностей сторон и признание потребностей другой стороны*. Отличительные особенности данного стиля – это молчание как специальный прием коммуникативного поведения медиатора и способ отражения медиатором реплик сторон: медиатор не перефразирует сказанное сторонами, снижая накал эмоций в конфликте, а передает информацию сторон такими же обидными, грубыми словами.

Нарративная медиация – процесс, в ходе которого стороны излагают свой взгляд на происходящее. Ценностной основой нарративной медиации являются *работа с описаниями нарративов и понимание того, как история влияет на реальность*. Медиатор здесь создает сторонам возможность дистанцироваться от конфликта, чтобы посмотреть на него со стороны и помочь создать новую историю о себе. С точки зрения нарративного подхода причины конфликтов кроются не в человеческих потребностях, а внутри общих социокультурных связей.

Стили медиации существуют в некоем континууме процедуры медиации, где медиатор как обученный специалист помогает сторонам урегулировать разногласия в разного рода конфликтных ситуациях.

Глава 3 «Речевая характеристика языковой личности медиатора» посвящена речевой практике медиатора, отражающей стратегии каждого этапа медиации, закрепляемой в коммуникативном арсенале медиатора и формирующемся тезаурусе коллективной языковой личности.

Речевая практика медиатора подчиняется определенным коммуникативным целям на каждом этапе переговоров в медиации. Процедура медиации относится к деловой относительно жесткой структурированной коммуникации, оформляемой в соответствии с определенными стратегиями его участников. Для языковой личности медиатора в исследовании выделены 26 основных стратегий и 79 взаимосвязанных между собой коммуникативных тактик, реализуемых медиатором в соответствии с жанрами коммуникативного события «медиативная сессия».

Медиативная сессия – это дискретная единица членения процедуры медиации, ограниченная временными и пространственными рамками. Процедура медиации проходит в течение одной или нескольких сессий продолжительностью 2 – 3,5 часа. Каждая медиативная сессия состоит из ряда

последовательных шагов – стадий, а именно: 1) введение в процесс медиации (вступительное слово медиатора); 2) презентация сторон (рассказ каждой стороны о сути разногласий); 3) дискуссия по выработке вопросов для обсуждения и переговоров; 4) кокус (индивидуальная беседа с каждой из сторон); 5) дискуссия по выработке возможных предложений для урегулирования конфликта (общая сессия); 6) подготовка проекта соглашения; 7) выход из медиации.

Стадии медиативной сессии – это жанры коммуникативного события, подразумевающие определенный коммуникативный эпизод со своим диктумным содержанием и предполагающие реализацию конкретных речевых стратегий и тактик медиатора. Например, введение в процесс медиации – это вступительное слово медиатора, представляющее собой устный монолог медиатора с элементами диалогового взаимодействия со сторонами. Несмотря на зачинный характер вступительной речи в медиации, вступительное слово медиатора кардинально отличается от стереотипного вступительного слова в риторике по длительности (10–20 минут) и по содержательным характеристикам. Основная цель введения в медиацию – настройка участников медиационной сессии на работу в рамках проживаемого коммуникативного события. Вступительное слово медиатора содержит компонент основной информации, не сводимой только к эпидейктическим функциям. Диктум жанра вступительного слова медиатора выражается в пропозиции: ***медиатор сообщает о том, что и как будет происходить.*** Структура вступительного слова медиатора содержит обязательные разделы, реализующие коммуникативные стратегии медиатора: 1) знакомство; 2) проверка полномочий; 3) согласование времени; 4) определение медиации; 5) раскрытие принципов медиации; 6) обозначение ответственности медиатора и сторон; 7) определение регламента; 8) решение процедурных вопросов; 9) сообщение правил медиации.

Каждая из стратегий реализуется в ряде тактик, например, стратегия «обозначение ответственности медиатора и сторон» реализуется в следующих тактиках: 1) обозначение ответственности медиатора; 2) обозначение ответственности сторон; 3) запрос у сторон готовности принять на себя обозначенную ответственность. Частично данные тактики реализуются в стратегии определения медиации, но здесь медиатор еще раз подчеркивает свою роль, отличающуюся от роли стороны, советника, консультанта, судьи: *«Как организатор переговоров я не могу давать консультации, но я несу ответственность за ход переговоров. Я буду стараться, чтобы встреча была конструктивной, чтобы соблюдались принципы медиации, чтобы медиативное соглашение соответствовало вашим интересам (1). Но ответственность за принятие решений лежит на вас. Вы несете полную ответственность за то, о чем договоритесь сегодня, и за исполнение принятого соглашения (2). Готовы вы принять на себя такую ответственность? (3)».* Здесь мы видим констативное высказывание в фиксации того, что может и что не может делать медиатор, и промиссивное высказывание, в котором медиатор обещает, а точнее, берет на себя

обязательство, выражаемое в ряде процессуальных действий: контролировать соблюдение принципов медиации, следить, чтобы принятые сторонами решения соответствовали их интересам. Далее следует некатегоричный директив, обращенный к сторонам. Тактики медиатора вербализуются, сворачиваются и разворачиваются в ситуативно обусловленных речевых комплексах, последовательность которых определяется в ходе взаимодействия всех участников в дискурсе медиации. Директивность медиатора смягчается модальными конструкциями и относится к ведению процедурных моментов: *«Никто кроме вас не знает больше о сложившейся проблемной ситуации. Поэтому **только вы можете принять** наиболее правильное решение, учитывающее все нюансы возникшего спора»*; *«**Вы можете поставить на обсуждение** любые вопросы, которые, на ваш взгляд, имеют существенное значение для урегулирования спора»*.

Медиативная сессия организуется с учетом всех ценностно-регулятивных координат профессиональной деятельности медиатора. Так, медиатор обращается с вопросом к каждой из сторон, соблюдая принцип равенства: *«Маргарита Павловна, готовы ли Вы принять на себя такую ответственность? А Вы, Вадим Петрович, готовы ли Вы принять на себя такую ответственность?»* Медиатор четко отделяет себя от сторон, говорит «я» и «вы», «ваш», а не «мы», соблюдая принцип нейтральности. Речь медиатора однозначная и нейтральная.

Роль организатора переговоров дает право медиатору перебивать спорящих в эмоциональной перепалке и не соблюдать принятые в повседневном общении стратегии вежливости, например, медиатор во время медиации не извиняется и не просит разрешения взять слово, а сам определяет ход медиации. Данная установка выражается в формуле: *«Медиатор – хозяин процесса»*.

Стратегии медиатора необязательно реализуются в приведенной последовательности, вместе с тем каждая из стратегий медиатора реализуется в ряде тактик, отличных от тактик сторон, которые, например, пытаются привлечь медиатора на свою сторону, склонить другую сторону и медиатора к определенным действиям, подчинить другого своим интересам. Введение в медиацию как жанр коммуникативного события «медиативная сессия» обязательно повторяется в начале каждой сессии медиации или на повторной медиации с этими же сторонами.

Каждому этапу медиационной сессии соответствует свой набор коммуникативных стратегий и тактик медиатора, позволяющих ему планомерно модерировать диалог конфликтующих сторон в режиме сотрудничества. Однако одна из стратегий может реализовываться практически на каждом этапе: это стратегия работы с эмоциями сторон, называемая «отработкой эмоций» на этапе презентации сторон, «вентиляцией эмоций» на этапе дискуссии по выработке вопросов, «регуляцией эмоционального состояния стороны» в кокусе, «проверкой удовлетворенности сторон» на этапе выхода из медиации.

Работа с эмоциями – это одна из составляющих цели медиации для медиатора во внутреннем и стандартном модусах общения. В каждой из перечисленных стратегий реализуется свой набор тактик, например, на этапе презентации сторон тактиками стратегии «отработка эмоций» являются: сдерживание агрессии сторон, предотвращение перебивов, отражение чувств стороны (сторон). Сдерживанию агрессии способствует как спокойное, уверенное ведение процедуры медиатором, так и сама организуемая им процедура с ее структурированностью. Например, медиатор напоминает правила медиации, с которыми стороны согласились ранее: *«В правилах наших переговоров не оскорблять друг друга»*. Или в дальнейшем, на этапе дискуссии, апеллируя к правилам, медиатор, вклинивается в перепалку сторон, если заметит, что стороны не обращаются друг к другу лично, а говорят так, как будто оппонент отсутствует: *«Мы приняли правила, соблюдайте их. Кто он? Какой этот?»*

Коммуникативная тактика сдерживания агрессии на этапе презентации сторон связана со стремлением сторон перебивать друг друга. При агрессивных перебивах, когда сторона вмешивается, например, чтобы исправить сказанное, медиатор реагирует следующим образом: *«Подождите немного, у Вас тоже будет возможность высказать свое видение ситуации»*. Медиатор **«ставит стороны на рельсы переговоров»**, предлагая действовать в рамках процедуры в соответствии с правилами и принципами медиации: *«Николай, сейчас Вячеслав рассказывает мне. Я прошу Вас, если есть вопросы, записывайте. У Вас будет возможность потом это обсудить. Вы когда выступали, Вячеслав Вам не задавал вопросы. Прошу Вас тоже сейчас воздержаться от комментариев, у Вас будет возможность все обсудить. Хорошо?»*

Для отработки эмоций медиатор прибегает к коммуникативному приему «отражение чувств», не спрашивая, а утверждая: *«Вы возмущены тем, что...»*; *«Вы обижены на то, что...»*; *«Вас это задело...»* Вербализация переживаний способствует снижению эмоционального накала переговоров. Так, озвучивая обиду, испытываемую стороной, медиатор показывает, что стороны имеют право на эмоции: *«Виктор сейчас говорил, эти вопросы болезненные, обида которая в нем сидит, ее проговорить важно, чтобы в душе не оставался какой-то еще осадок невысказанного»*. Обиды переформулируются в задачи для сохранения отношений в будущем: *«Что может убрать эту негативную эмоцию, чтобы она не мешала выработать какое-то решение? Есть такой способ, который поможет выйти Вам из обиды?»*

На этапе дискуссии медиатор дает возможность для открытого взаимодействия сторон: *«Хотели бы вы о чем-то спросить друг друга или что-то сказать друг другу?»*; *«Вы услышали мнение друг друга, у вас есть возможность задать друг другу вопросы»*. Медиатор не сразу останавливает стороны, он позволяет сторонам «выпустить пар», вмешиваясь, только если стороны наносят друг другу оскорбления.

Стратегия медиатора, связанная с «вентиляцией эмоций», корректирует поведение сторон в отношении приличных форм донесения

своих мыслей, например, медиатор резюмирует и безоценочно принимает важное в сообщениях сторон: *«Исходя из того, что Вы говорите, я вижу, что для Вас, Мария Ивановна, важно ... А для вас, Иван Иванович, важно... Это так?»* Если стороны кричат, медиатор прибегает к директиву: *«Мне ответьте, пожалуйста!»* Негативные эмоции, сопровождающие конфликтную ситуацию, увеличивают ошибки восприятия и не дают трезво оценивать ситуацию и искать разумный выход из сложившейся ситуации. Перефразирование сказанного в корректной, уважительной форме позволяет снизить эмоциональный накал и облегчить переход стороны на рациональный уровень коммуникации.

Медиатор в коммуникативном событии «медиативная сессия» привносит в общение со сторонами свою систему ценностей, связанную с конструктивным общением, а именно: транслирует систему ценностей бесконфликтной коммуникации – обучает стороны думать, действовать и вести диалог с установкой на сотрудничество, переключая внимание сторон с личности на проблему.

Процедура медиации определенным образом форматирует коммуникативное поведение медиатора, которое реализуется в зависимости от этапа медиационной сессии, в соответствии с правилами и принципами медиации. Речевая практика медиатора – это дискурсивно релевантные речевые поступки медиатора, совершаемые в тесной связи с речевыми поступками сторон навстречу медиатору и навстречу друг другу на разных стадиях в процессе медиации.

Медиатор является лицом, специально уполномоченным для осуществления коммуникации сторон в ситуации конфликта, он сознательно применяет свои коммуникативные умения и навыки для улучшения взаимодействия сторон, помогает наладить коммуникацию сторон в конфликте и показывает возможности для общения сторон без медиатора. «Дискурсивным метапрофилем медиатора» (термин Л.В. Куликовой) являются коммуникативные техники, которые позволяют модерировать диалог сторон в режиме сотрудничества: эхо-техника, техника резюме, техника развития идеи, сообщение о восприятии другого, сообщение о собственном самочувствии, техника слушания, техника вопросов, рефрейминг и др.

Рассмотрим **эхо-технику (эхо-повтор)** – нейтральный пересказ медиатора. Например, после 5 минут активного говорения одной стороны в презентации сторон медиатор начинает пересказывать услышанное, передавая содержательно-фактуальную информацию, с невербальной обращенностью к говорящему:

Медиатор: *«Вы можете по ходу процедуры что-то дополнить. Давайте я сейчас озвучу, правильно ли я поняла то, что Вы сказали. То есть на данный момент Вы и Анна являетесь собственниками здания. Так получилось, что, когда здание было, грубо говоря, разделено на две части, у Вас оказались все коммуникационные и инженерные сети, которые обслуживали это здание <...>».*

В приведенном фрагменте нет субъективной оценочности, из сообщения стороны вычленяется только объективно-реальная ситуация. В тексте нет эмоционально окрашенной лексики, то есть медиатор оперирует знаниевым контекстом, с которым ни сторона-автор, ни сторона-слушатель не могут поспорить. Пересказ медиатора дает стороне понять, что ее слушали, что к передаваемому содержанию отнеслись с вниманием. Такое отношение мотивирует сторону к подтверждению сказанного медиатором и к уточнению пересказа:

Сторона: *«Да, мы их строили, да, они у нас на балансе остались, в собственности, потому что размер долга, который мы продавали, он к этим сетям отношения не имел».*

В эхо-технике медиатор своими словами передает высказанные мысли и чувства стороны конфликта без оценки и интерпретации, нередко четко разграничивая эмоции, факты и интерпретацию факта:

Сторона: *«Меня взбесило, что учитель поставил мне пару за невыполненное домашнее задание».*

Медиатор: *«Правильно ли я Вас понимаю, что Вы крайне возмущены тем, что учитель поставил Вам двойку за задание, которое, по Вашим словам, не выполнено?»*

Здесь факты – это выставление оценки и невыполненное домашнее задание. Интерпретация стороны – домысел стороны о причине выставленной оценки. Эмоции, проявляемые стороной, – возмущение, раздражение. Высказывание стороны препарируется следующим образом: эмоции стороны проговариваются и рассматриваются отдельно от ситуации в констатации эмоционального состояния стороны; в содержании высказывания вычленяется диктум как объективная информация о реальности; выделяется и проговаривается модус как смысл, придаваемый самой стороной. В эхо-технике медиатор помогает правильно воспринимать полученное сообщение, выравнивая референты говорящего и слушающего. Медиатор «декодирует» сообщение стороны для ее оппонента, делая видимыми имплицитные смыслы, сознательно или неосознанно заложенные в высказывании, тем самым налаживая так называемый «общий язык» фактов, с которыми трудно поспорить и которые не могут обидеть медиантов.

Встречается и другой вариант эхо-техники – это повторение слов или фрагментов фраз с полувопросительной информацией, например:

Сторона: *«Меня пугает это все. <...> Так я ищу **подводные камни**».*

Медиатор: *«Давайте все **подводные камни** попробуем проговорить».*

В метафоре *подводные камни* сторона выражает опасения, связанные с рассматриваемой ситуацией, эти опасения необходимо прояснить, и в то же время снять эмоциональную акцентуацию, связанную с непредвиденными, неожиданными трудностями, разворачивая высказывание в проговаривании подробностей. Пример повтора наблюдается в коммуникативном приеме отражения из арсенала трансформативной медиации:

Сторона: *«Банку-то пофиг вообще?!»*

Медиатор: *«Банку пофиг...»*

Медиатор отзеркаливает эмоциональный выпад стороны для обсуждения того, что банк может предпринять в данных обстоятельствах. Сторона слышит повтор своего разговорно-сниженного «*нофиг*» от медиатора и до конца медиативной сессии, по нашим наблюдениям, подобных слов избегает.

С помощью эхо-техники медиатор учит стороны правильно взаимодействовать. Эхо-техника представляет собой один из приемов кооперативного общения (по Г.П. Грайсу), так как совместно выбранная цель диалога в медиации – выработка устного или письменного взаимовыгодного соглашения сторон, а для этой цели необходимы обдуманые и осознанные речевые действия.

В эхо-технике медиатор часто употребляет речевую формулу «*Правильно ли я понимаю?*» (ПЛЯП) – это петля понимания, позволяющая медиатору дать обратную связь, уточнить правильность понимания сказанного одной из сторон (сторонами). Данная формула используется в различных техниках для уточнения понимания сказанного, например, в технике резюме, когда предполагаются ответная реакция и коррекция резюме медиатором в случае какого-либо искажения информации («*Правильно ли я понимаю, что у Вас планы на отпуск с 12 июня?*»), в технике развития идеи, когда медиатор выводит логическое следствие из сказанного и выдвигает свое предположение относительно причин высказывания («*Правильно ли я вас понимаю, что Вам надо время, чтобы подумать?*»), и в технике вопросов в вопросах-уточнениях. Формула ПЛЯП нередко сопровождается или заменяется одним дискурсивным словом в кратком вопросе со значением «правильно»: «*Так?*»

Рассмотренный в работе арсенал коммуникативных техник не исчерпывает весь список коммуникативных приемов медиатора. Языковая личность медиатора открыта для коммуникативных техник дискурсов, соприкасающихся с дискурсом медиации. Например, в оформлении текста документов, имеющих юридическую силу, в речевой практике медиатора используются формы и приемы юридических типов дискурса. Арсенал коммуникативных техник медиатора пополняется также практическими приемами психологов: разные техники активного слушания и техника постановки вопросов, различные способы и средства установления психологического контакта со сторонами, реагирование на поведение сторон, невербальные и паралингвистические средства включения стороны в диалог.

Проникновение в лабораторию медиатора позволяет изучить специфику «антропного словаря» (термин Ю.Н. Караулова) медиатора. Наиболее доступным для изучения и исследовательской интерпретации становится мотивационный уровень: выявление институциональных доминант, установок, мотивов, иерархии смыслов и ценностей, ориентирующих и жестко ограничивающих языковую личность медиатора в речевом и невербальном проявлениях в ситуациях взаимодействия со сторонами.

Лингвокогнитивный уровень языковой личности медиатора начинает осознаваться и объективироваться в разного рода саморефлексиях самих

медиаторов – от сиюминутных прозрений после удавшейся или неудавшейся медиации до основательных обобщений, которыми медиаторы делятся друг с другом в целях дальнейшего обсуждения и самокоррекции. Так, мы выделяем концепты, характеризующие субкультуру медиатора: БУДУЩЕЕ, ДОВЕРИЕ, ОТНОШЕНИЯ.

Ценностно значимым для языковой личности медиатора является концепт БУДУЩЕЕ, который объективируется в формах будущего времени глаголов и в словах «будущее», «перспективы», «дальнейшее», «завтра», «ждать», «предупредить», «гарантировать» и др. Реализация концепта осуществляется в речевых комплексах с семантикой будущего времени, например, вопросы, задаваемые медиатором, ориентированы на будущее взаимодействие сторон: «*Что произойдет, если вы сейчас не договоритесь?*»; «*Что Вы получите от этого предложения?*»; «*К чему это может привести?*» На разных этапах медиации в своей речевой практике медиатор проверяет решения сторон на реальность, то есть на жизнеспособность, например: «*Насколько это реально исполнить?*» По нашим наблюдениям, содержательная ориентация концепта БУДУЩЕЕ – не прогностическая, а контактосберегающая.

Семантико-вербальный уровень как уровень организации языковой личности медиатора – наименее доступный для непосредственного наблюдения из-за закрытости профессиональной сферы и недоступности фиксации языкового материала на медиационных сессиях. Общим наблюдением является нейтральность лексики медиатора. Принимая во внимание, что для сторон конфликта свойственно сложное эмоциональное взаимодействие, участники конфликтного дискурса испытывают различные эмоции и эти эмоции выражают в диалоге, медиатор проявляет себя как нетипичный участник конфликта. Медиатор не использует понятий «хорошо», «плохо». Наблюдаемая нами реплика «*Хорошо*» встречается только в оценке продвижения сторон по процедуре, например, в подведении итогов: «*Хорошо, вы сегодня приняли решение...*» В словаре медиатора нет экспрессивно-оценочной лексики. Медиатор может отзеркалить ситуативно-эмоциональное слово стороны, но лишь для того, чтобы обратить внимание на нарушение правила медиации, например:

Сторона: «*Этот* меня вообще не слушал...»

Медиатор: «*Этот?*»

Используемые медиатором слова неконфликтногенны, причем здесь обращается внимание на конфликтогены с точки зрения сторон, например, медиатор не говорит «*алименты*», а использует более нейтральный вариант: «*расходы на содержание детей*». Перефразируя стороны и подводя итоги процедурным этапам, медиатор меняет эмоциональную лексику сторон на нейтральную, выступая переводчиком с языка эмоций на нейтральный язык для установления конструктивного диалога сторон. Таким образом, в выборе лексики медиатор контролирует себя и контролирует эмоции сторон, выделяя рациональную основу диалога.

Медиаторы обращают внимание на использование той или иной языковой или речевой единицы в связи с эффективностью или неэффективностью переговоров, достижением или недостижением целей медиации. Например, изначально используемые в русскоязычной медиации переводы дискурсивного маркера активного слушания *«well»* – *«хорошо»*, *«да-да»*, *«да»* не выдержали испытания на нейтральность. Выкристаллизация русского языка медиации осуществляется по пути соотнесения терминологии с русскоязычной референтной сферой.

Степень терминологизации речи медиатора повышается по мере приближения к теоретическому полюсу внутреннего общения медиаторов между собой и понижается по мере приближения к профессиональному полюсу общения медиаторов со сторонами. Например, привычное для медиаторов слово *«кокус»* передается в общении со сторонами как *«индивидуальная беседа»*, *«индивидуальная встреча»*. Медиатор нередко *«переводит»* для сторон положения законов на простой, понятный, доступный язык, термины – на знакомые слова, слова с прозрачной мотивацией. Таким образом, лексикон медиатора можно разделить на лексикон для внутреннего и для стандартного дискурсов медиации, с разной степенью терминологичности. Границы между лексиконами здесь очень подвижны и размыты, так как переход от одного полюса к другому зависит не только от языковой личности самого медиатора, но и от языковых личностей медиантов. Так, взаимодействие с представителями юридического сообщества будет отмечено большей степенью терминологичности.

В изучении компонентов языковой личности медиатора важное место занимает именно тезаурусно-идеологический уровень, вбирающий в себя лексикон и обуславливающий прагматикон языковой личности, индивидуальные воплощения языкового материала в коммуникативном пространстве. Языковой мир медиатора может быть представлен в схемах, которые картируют дискурс медиации и ориентируют медиатора в его коммуникативном поведении. Например, элементы схемы, отражающей критерии медиабельности, дают представление о рамках, очерчивающих ситуации, в которых допустимо коммуникативное проявление медиатора. В диссертационной работе даны модели 4 схем, отражающих бытие языковой личности медиатора в различных сегментах его коммуникативной активности: *«Участники медиации»*, *«Этапы премедиации»*, *«Критерии медиабельности»*, *«Стадии медиативной сессии»*. Идеографическая часть проекта тезауруса медиатора проиллюстрирована в *«Словарно-понятийной статье “медиация”»*. К каждой схеме в работе представлены комментарии. Фрагмент части тезауруса *«Алфавитный указатель ключевых слов с дефинициями»* вынесен в приложение.

Погружение в аксиосферу медиации способствует формированию так называемого *«встроенного»* медиатора, когда профессиональные ценности, преломляясь через призму индивидуального опыта обучения и индивидуальную профессиональную практику, входят в психологическую структуру личности, а привычка к внутренней и внешней рефлексии

отражается на речевых проявлениях медиатора, которые сохраняются вне дискурса медиации. Коммуникативные искажения в дискурсивных проявлениях языковой личности мы называем дискурсивной профдеформацией и даем определение: **дискурсивная профессиональная деформация** – это изменения в коммуникативном поведении языковой личности, возникающие в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей и проявляемые как внутри, так и вне профессионального дискурса. Указанные изменения возникают в процессе и результате воздействия условий труда, опыта, ближайшего профессионального окружения и под влиянием формирующегося профессионального самосознания.

Дискурсивно релевантными качествами медиатора выступают договороспособность и ассертивность. К основным проявлениям дискурсивной профессиональной деформации медиатора мы относим использование техники «я-послание» («я-сообщение», «я-коммуникация»), которую медиатор разъясняет сторонам и от которой не может отказаться в своей повседневной коммуникации. Для дискурсивной профдеформации медиатора характерно использование слов, реализующих концепт БУДУЩЕЕ, и фраз с семантикой будущего, подтверждение чему мы обнаруживаем на интернет-страницах медиаторов. К профессиональной деформации медиатора относится способность задавать вопросы. Вопросы – это визитная карточка, по которой можно узнать профессионального медиатора. Способность задавать вопросы в повседневной коммуникации, согласно замечаниям самих медиаторов, трансформируется в навык ответа вопросом на вопрос: *«Получить ответ у медиаторов невозможно, они **говорят вопросами**»*. Дискурсивно релевантными в коммуникативном поведении медиатора являются навыки слушания, в частности активное слушание. В аспекте слушания своеобразным маркером языковой личности медиатора является формула *«Правильно ли я понимаю?»*, активно используемая медиаторами в вопросах-уточнениях вне практики медиации. Признаки «встроенного» медиатора наблюдаются в самоконтроле вербального и невербального поведения. К невербальным проявлениям профдеформации медиатора относятся сдержанная жестикуляция и эмоциональная непроницаемость мимики.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги исследования. Отмечается, что языковая личность медиатора – это аксиологически идентифицированный тип личности с присущим ему коммуникативным поведением, которое обусловлено ценностными координатами профессии.

Формирование лингвистического знания о медиации в работе осуществляется со стороны участника закрытого для непосредственного наблюдения институционального дискурса, на основе анализа исследований практикующих медиаторов, с привлечением современного русскоязычного материала внутреннего модуса институционального дискурса, с учетом всех ограничений, накладываемых Законом о медиации в Российской Федерации и профессиональным сообществом медиаторов.

Перспективы исследования языковой личности медиатора видятся в целом ряде направлений:

- дальнейшее изучение форм развития русского языка медиации в диахронии и синхронии;
- комплексное исследование невербальной составляющей коммуникативного поведения медиатора;
- анализ дискурсивных проявлений медиатора в письменной коммуникации;
- лингвистическое обоснование отдельных коммуникативных стратегий медиации;
- исследование прагматического потенциала коммуникативных инструментов медиатора;
- социолингвистическое изучение гендерных и других характеристик медиаторов;
- изучение вопросов медиатизации медиации;
- исследование образов медиации.

Приложение содержит список иллюстративного материала (перечень видеоматериалов и ссылки на блоги медиаторов), фрагмент части тезауруса медиатора (алфавитный указатель ключевых слов с дефинициями), текст Закона о медиации и образцы документов медиатора.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия:

1. Киндеркнехт, А.С. Медиатор как участник современного миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика : монография / С.В. Шустова, Е.О. Зубарева, Н.В. Хорошева, В.М. Костева, Е.Ю. Мощанская, А.С. Киндеркнехт, Köck Jh. / научн. ред. д-р филол. наук, проф. О.А. Радченко. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2020. – С. 98–133 (2 п. л.).
2. Киндеркнехт, А.С. Мирилка: фольклорный текст, игра, социальная практика : монография / А.С. Киндеркнехт. – Пермь: ИП Серегина О.Н., 2022. – 99 с. (6,2 п. л.).
3. Киндеркнехт, А.С. Аксиология коммуникативного поведения медиатора : монография / А.С. Киндеркнехт / науч. ред. В.И. Карасик. – М.: Знание-М, 2023. – 244 с. (14,18 п. л.).
4. Киндеркнехт, А.С. Практикум по межкультурной медиации / А.С. Киндеркнехт. – М.: ООО Р.Валент, 2024. – 72 с. (4,5 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в ведущих изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

5. Киндеркнехт, А.С. Метод самонаблюдения в исследовании языковой личности медиатора / А.С. Киндеркнехт // Балтийский гуманитарный журнал.

– 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 252–255. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0060 (0,5 п. л.).

6. Киндеркнехт, А.С. Мирилка как жанр детского фольклора / А.С. Киндеркнехт // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С. 314–319. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-4-24-314-319 (0,6 п. л.).

7. Киндеркнехт, А.С. Вертикальный и горизонтальный типы коммуникации в восстановительной медиации: проблема соотношения / А.С. Киндеркнехт, Л.А. Соболева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 4(29). – С. 255-259. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0804-0057 (0,7/0,35 п. л.).

8. Киндеркнехт, А.С. Вербальные и невербальные средства выражения нейтральности в коммуникативном поведении медиатора / А.С. Киндеркнехт, Ю.А. Яковлева // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 82–95. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-82-95 (0,9/0,45 п. л.).

9. Киндеркнехт, А.С. К вопросу о семантической эволюции слова «кокус» / А.С. Киндеркнехт, И.В. Смирнова // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 3. – С. 89–100. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.3.8 (0,8/0,4 п. л.).

10. Киндеркнехт, А.С. О разграничении коммуникативных практик медиации и перевода / А.С. Киндеркнехт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10. – № 4. – С. 23–29. DOI: 10.12737/2587-9103-2021-10-4-23-29 (0,4 п. л.).

11. Киндеркнехт, А.С. Термин «медиация» в современных научных исследованиях по переводу / А.С. Киндеркнехт, В.В. Колада // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 30–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49 (1,3/0,65 п. л.).

12. Киндеркнехт, А.С. Эволюция понимания конфликта в современном научном знании / А.С. Киндеркнехт // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK422.pdf> (0,7 п. л.).

13. Киндеркнехт, А.С. Конфликт в исследованиях по лингвистике / А.С. Киндеркнехт // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 45–68. – DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68 (1,4 п. л.).

14. Киндеркнехт, А.С. Присоединение как табу в коммуникативном поведении медиатора / А.С. Киндеркнехт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 67–73. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-1-67-73 (0,9 п. л.).

15. Киндеркнехт, А.С. Степень агнонимичности слова «медиация» в языковом сознании современных студентов / А.С. Киндеркнехт // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 1236–1241. DOI: 10.30853/phil20230190 (0,6 п. л.).

16. Киндеркнехт, А.С. Сопоставительный анализ дискурсивных маркеров в повседневной и профессиональной коммуникации (на примере «well» и его русских аналогов в речи медиатора) / А.С. Киндеркнехт,

О.Н. Путина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 2. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK223.pdf> (0,7/0,4 п. л.).

17. Киндеркнехт, А.С. Межпрофессиональные расхождения в понимании слова «медиация» / А. С. Киндеркнехт // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15, № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/32FLSK124.pdf> (0,5 п. л.).

18. Киндеркнехт, А.С. К вопросу о дискурсивной профессиональной деформации медиатора / А. С. Киндеркнехт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2024. – № 5-2. – С. 192-197. DOI 10.37882/2223-2982.2024.5-2.18 (0,7 п. л.).

19. Киндеркнехт, А.С. Рефрейминг как коммуникативная техника медиатора / А. С. Киндеркнехт // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – № 7(55). DOI 10.60797/RULB.2024.55.10 (0,4 п. л.).

20. Киндеркнехт, А.С. Медиатор как элитарная языковая личность / А.С. Киндеркнехт // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2219-2225. DOI 10.30853/phil20240306 (0,8 п. л.).

21. Киндеркнехт, А.С. Базовый арсенал коммуникативных техник медиатора / А.С. Киндеркнехт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 77–87. DOI 10.12737/2587-9103-2024-13-4-77-87 (1,4 п. л.).

22. Киндеркнехт, А.С. Медиатор в конфликтном дискурсе / А.С. Киндеркнехт // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 2 – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/22FLSK224.pdf> (0,5 п. л.).

Статьи в других научных изданиях:

23. Киндеркнехт, А.С. К вопросу о теории в гуманитарных исследованиях начала XXI века / А.С. Киндеркнехт // Философия современности: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участ. (Омск, 05 ноября 2013 г.). – Омск: Изд-во Омск. эконом. ин-та, 2013. – С. 32–36 (0,2 п. л.).

24. Киндеркнехт, А.С. Количественный анализ отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики / А.С. Киндеркнехт // Научный альманах. – 2016. – № 6-1 (19). – С. 589–592 (0,3 п. л.).

25. Киндеркнехт, А.С. Востребованность юридического перевода на рынке переводческих услуг / А.С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные и образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2016. – Т. 1. – С. 379–382 (0,3 п. л.).

26. Киндеркнехт, А.С. О медиации в практике переводческой деятельности / А.С. Киндеркнехт // Индустрия перевода. – 2018. – Т. 1. – С. 20–24 (0,2 п. л.).

27. Киндеркнехт, А.С. К вопросу о медиации в переводческой деятельности / А.С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные и образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2018. – Т. 1. – С. 570–574 (0,3 п. л.).

28. Киндеркнехт, А.С. О медиаторской функции переводчика / А.С. Киндеркнехт // Социальный мир человека: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация» (Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.). Сер. Язык социального / под ред. Н.И. Леонова. – Ижевск: Изд. дом «ERGO», 2018. – С. 177–179 (0,2 п. л.).

29. Киндеркнехт, А.С. К вопросу о факторах стресса в профессиональной деятельности письменного переводчика / А.С. Киндеркнехт // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Междунар. науч. конф. (Челябинск, 18–20 апреля 2018 г.): в 2 т. Т. 2. / отв. ред. Л.А. Нефедова. – Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2018. – С. 119–122 (0,4 п. л.).

30. Киндеркнехт, А.С. Валидность метода самонаблюдения в исследовании профессиональной языковой личности в процессе ее формирования / А.С. Киндеркнехт // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. / под общ. ред. Т.В. Дубровской. – Пенза: Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2019. – С. 55–59 (0,5 п. л.).

31. Киндеркнехт, А.С. «Угу» как нейтральное средство обратной связи в процедуре классической медиации / А.С. Киндеркнехт // Культура русской речи: тез. VI Междунар. науч. конф. (Москва, 21 февраля 2019 г.). – М.: Изд-во ин-та рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2019. – С. 50 (0,1 п. л.).

32. Киндеркнехт, А.С. Профессиональная этика как актуальный аспект подготовки специалиста / А.С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. Т. 1. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. – С. 373–379 (0,2 п. л.).

33. Киндеркнехт, А.С. Конфликтологическая компетентность переводчика как образовательная возможность / А.С. Киндеркнехт // Индустрия перевода. – 2019. – Т. 1. – С. 151–157 (0,4 п. л.).

34. Киндеркнехт, А.С. К вопросу об исследовании языковой личности в профессиональном дискурсе / А.С. Киндеркнехт // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой (Омск, 15–16 февраля 2019 г.) / отв. ред. О.В. Золтнер. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2019. – С. 88–91 (0,3 п. л.).

35. Киндеркнехт, А.С. Русский язык в профессиональном общении медиатора / А.С. Киндеркнехт // Филология и образование в поликультурном мире: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Пермь, 24 дек. 2019 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Фак. совр. иностр. яз. и литератур. – Пермь: [б. и.], 2019. – URL: <https://cloud.mail.ru/public/2Qkm/3mCae4kMX> (0,1 п. л.).

36. Киндеркнехт, А.С. К вопросу о лингвистических исследованиях дискурса медиации / А.С. Киндеркнехт // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы X Междунар. науч. конф. (Челябинск, 1–3 октября 2020 г.) / отв. ред.

Л.А. Нефедова. – Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 2020. – С. 138–143 (0,4 п. л.).

37. Киндеркнехт, А.С. Направления работы научного кружка «Речевая конфликтология и медиация» / А.С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: материалы XX Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 24–25 апреля 2020 г.). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. – С. 187–194 (0,5 п. л.).

38. Киндеркнехт, А.С. Агноним ли слово «медиация»? / А.С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 22–23 апреля 2021 г.). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2021. – С. 227–233 (0,4 п. л.).

39. Киндеркнехт, А.С. Базовые аспекты дисциплины «Межкультурная медиация в переводе» / А.С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, апрель 2022 г.). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2022. – С. 74–78 (0,2 п. л.).

40. Киндеркнехт, А.С. Культура примирения детей с помощью мирилки / А.С. Киндеркнехт // Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур: сб. ст. междунар. междисциплинар. науч. конф. (Москва, 22 апреля 2022 г.) / сост. Р.А. Огородникова, А.А. Емельянова. – М.: Книгодел, 2022. – С. 438–442 (0,3 п. л.).

41. Киндеркнехт, А.С. Неприсоединение как аксиологическая доминанта коммуникативного поведения медиатора / А.С. Киндеркнехт // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти О.Я. Гойхмана (Светлогорск, 19–22 мая 2022 г.) / сост. Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – Калининград: Полиграфычъ, 2022. – С. 90–93 (0,4 п. л.).

42. Киндеркнехт, А.С. Медиация как личный бренд: реклама курсов медиаторов / А.С. Киндеркнехт // Кострома. Genus Locі: альманах / сост. и отв. ред. А.В. Зайцев. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2022. – Вып. 5. – С. 130–135 (0,3 п. л.).

43. Киндеркнехт, А.С. Конфликтологические знания и умения в деятельности переводчика: результаты анкетирования студентов / А.С. Киндеркнехт // Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции: сб. науч. тр. по материалам I Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (Уфа, 20 октября 2022 г.) / под ред. В.Ф. Аитова, Х.Х. Галимовой, Л.Н. Каримовой, П.В. Семёновой, Ю.Р. Юсуповой. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2022. – С. 10–15 (0,4 п. л.).

44. Киндеркнехт, А.С. О системных изменениях в профессиональном сообществе медиаторов после пандемии коронавируса / А.С. Киндеркнехт // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации:

материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Липецк, 21–22 октября 2022 г.). – Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 165–169 (0,3 п. л.).

45. Киндеркнехт, А.С. Помогающий статус коммуникативной профессии медиатора / А.С. Киндеркнехт // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – № 3. – С. 85–96 (0,8 п. л.).